

Ли Жуань действительно был очень огорчён.

Бёдрышки дикой фазанихи — самая нежная и вкусная часть туши. Он и сам-то ест их нечасто, специально оставляет напоследок. Отдать одну этому смертному — уже больно расставаться, а отдать обе... как тут не расстроиться?

Ли Жуань так засаднил ушами, что они опустились, и он даже забыл держаться на расстоянии от человека.

Причина держаться подальше, конечно же, была не в том, что, как подумал Цзян Шэнь, он боится людей.

Наоборот — Ли Жуань боялся напугать его ещё раз.

Этот смертный уже однажды от страха потерял сознание из-за него — а что, если он снова его напугает? Вдруг умрёт на месте?

Ли Жуань решил действовать постепенно: держать дистанцию и притворяться обычной лисой.

А уж про двойную культивацию можно будет поговорить, когда он вылечит этого человека и тот полностью привыкнет к нему.

Ли Жуань считал, что во всём мире нет лисёна-оборотня, который был бы заботливее его.

Но мужчина, кажется, вовсе не понял его добрых намерений.

Он просто смотрел и смотрел на него... а потом не выдержал — и расхохотался.

Ли Жуань: — ?

Это уже слишком.

Ли Жуань мигом забыл об всех обидах и раздражённо дёрнул хвостом — если бы не раны смертного, он бы его уже оттащил.

Смешок вызвал тупую боль в груди, Цзян Шэнь несколько раз кашлянул, сделал пару глубоких вдохов и наконец успокоился.

Он не хотел смеяться нарочно — просто... этот маленький лисёнок слишком милый.

Размером он был гораздо меньше обычной лисы — больше похож на юного зверька.

Но у обычных детёнышей лисы не бывает такой яркой, пушистой и мягкой шерсти.

А когда он садился и привычно сворачивался хвостом, становился похож на пушистый клубочек.

В сочитании с его живыми выражениями мордочки... ну как тут не умилиться?

У Цзян Шэня даже руки зачесались — ужасно хотелось потрогать.

Жаль, что сейчас он лежал около костра, а лисёнок сидел слева от него. А левая рука была ранена — плечо не поднять.

Так что ему пришлось отказаться от этой мысли.

Цзян Шэнь любил таких пушистых зверьков с детства — кошек, собак, птиц. Он держал их у себя в спальне, когда был маленьким.

Из-за этого его часто ругали отец, императрица и учителя — мол, забавы с животными отвлекают его и делают рассеянным.

Как наследный принц, он с рождения нёс куда больше обязанностей и ответственности, чем обычные люди, и позволить себе многое не мог. Поэтому, когда отец приказал уничтожить всех его маленьких питомцев в дворце, он больше никогда их не трогал.

Вспомнив это, Цзян Шэнь слегка погрустнел.

Ли Жуань пришёл к выводу, что смертные порой совершенно непонятны.

Например — сейчас он вовсе не понимал, почему настроение у человека вдруг упало.

Он наклонил голову, уже открыл пасть, чтобы спросить, но вспомнил, что должен изображать обычную лису. Быстро поднял лапку и прикрыл ей рот, удерживая слова, которые чуть не сорвались.

Для лисы этот жест выглядел странно, но Ли Жуань сотни лет жил в человеческом облике, а теперь внезапно вернулся в первоизданную форму — неудивительно, что отвык от звериных привычек.

Конечно, мужчина тоже это заметил и поднял взгляд.

Маленькая лиса поспешно сделала вид, что просто облизывает лапку, и невинно посмотрела на него:

— Ау?

Звучание было лёгким и мягким, как маленький крючок, чуть касающийся сердца.

Но таким он Цзян Шэнь не проведёт.

Такое количество человеческих повадок — и такое поведение — заставили его вспомнить, как перед тем, как потерять сознание внизу обрыва, он будто бы слышал, как этот маленький зверёк произнёс человеческие слова.

Только вот тогда он сорвался со скалы, долго лежал в снегу, сознание было спутанным.

Теперь, оглядываясь назад, он совсем не был уверен — действительно ли услышал человеческую речь или всё это было просто сном.

Цзян Шэнь немного подумал, затем нарочно спросил:

— Почему ты больше не разговариваешь со мной? Ты что, не умеешь говорить?

Маленькая лиса моргнула, потом снова наклонила голову, сделав вид, будто совершенно не понимает, о чём он говорит.

Уж слишком хорошо притворяется...

Цзян Шэнь сжал нижнюю губу, не торопясь продолжать расспросы.

Лисёнок затащил его в пещеру, развёл для него костёр, согрел, поделился едой — уже этого достаточно, чтобы понять: зла он ему не желает.

Цзян Шэнь тайно ехал в столицу, и теперь он убедился, что письмо, призывающее его туда, было фальшивкой. Никто, кроме того, кто подстроил ловушку, не знает, где он. Значит, скорее всего, никто не придёт на эту гору его спасать.

Он тяжело ранен, и прятаться здесь, выздоравливая, — лучший вариант в данный момент.

А лисёнок без злого умысла — и это для Цзян Шэня сейчас самое важное.

Что же до того, демон он или нет — он всё равно узнает рано или поздно.

Цзян Шэнь немного подумал и быстро принял решение. Он посмотрел на две куриные ножки, которые лисёнок подвинул ему в руки, и сказал:

— Они сырые. Я не ем сырого.

Ли Жуань: — ?

Смертные такие хлопотные.

Ли Жуань прожил сотни лет в горах и почти никогда не общался с людьми. Но, припоминая, он вроде бы слышал, что большинство смертных любит готовить еду на огне и редко ест сырое.

Но ведь если готовить... мясо станет сухим! Как это может сравниться со свежим?

Совсем непонятно.

Ли Жуань уставился на него.

И так уже худющий, а ещё привередничает.

Смертных, правда, трудно содержать...

Но делать нечего. Он ждал этого смертного полмесяца — нельзя же позволить ему умереть с голоду. Ли Жуань пробормотал про себя, что уж так и быть, он пойдёт навстречу, наклонился и поднял куриную ножку, собираясь просто бросить её в огонь.

Но едва поднял, как мужчина сказал:

— Подожди.

Голос продолжил:

— Ты собрался вот так запечь?

Уши Ли Жуаня дёрнулись.

А как же иначе?

Разве можно ожидать от лисы, что она освежает, снимет кожу, вытащит кости и пожарит мясо на сковороде?

Это уж слишком сложно для лисы.

Мужчина вздохнул:

— Я сам сделаю. Можешь найти мне несколько веток? Поустойчивее, потолще.

Ли Жуань прищурился.

Ты? Сам?

Пожалуй, язык его тела был настолько выразительным, что Цзян Шэнь сразу понял смысл.

Он опёрся на правую руку и медленно поднялся, садясь на подсохшее сено.

Цзян Шэнь тренировался с детства, и хотя эти раны сильно ограничивали его движения, полностью обездвиженным он не был.

Но даже такое простое движение выдавило из него тонкий слой холодного пота.

Он перевёл дух и протянул руку к лисёнку:

— Дай сюда.

Ли Жуань внимательно оглядел его с ног до головы, вложил куриную ножку в ладонь, развернулся и выскочил из пещеры.

Цзян Шэнь проводил взглядом ярко-красный хвост, исчезающий в проёме, отвернулся к потрескивающим дровам и вдруг усмехнулся:

— Вот так, значит, ты снова прекрасно понимаешь человеческую речь... глупый лисёнок.

Вскоре маленькая лиса вернулась с ветками.

Услышав слова Цзян Шэня, он нашёл лишь самые толстые и крепкие ветви — толщиной в один-два пальца — связал их лианой и принёс целую охапку.

Среди веток оказалась и какая-то трава, которую Цзян Шэнь никогда раньше не видел.

— Это?.. — Цзян Шэнь поднял её и понюхал. — Лекарственная трава?

Ли Жуань кивнул, надул грудь от гордости и задрал свои пушистые заострённые уши.

Как ни странно.

Смыв кровь, он насадил мясо на веточки и медленно поджаривал его на огне.

Хотя Цзян Шэнь — наследный принц, он вовсе не из тех, кто ждёт, когда за него всё сделают. В шестнадцать лет он сам попросился на границу и провёл там два года бок о бок с солдатами — так что такие вещи для него не в тягость.

В том числе и перевязать себя самому.

Ли Жуань тем временем ещё несколько раз выбегал наружу, выбирал самое чистое снеговое покрытие с верхушек деревьев, заворачивал в широкие листья и тащил обратно в пещеру.

Когда снег растает — получится чистая вода.

Сделав всё это, Ли Жуань присел возле огня и стал смотреть, как мужчина перевязывает раны.

Наверное, из-за сильной боли движения у Цзян Шэня были медленными и не слишком ловкими.

Ли Жуань смотрел... и его внимание постепенно перетянули запечённые куриные ножки рядом с огнём.

Потому что они были... такими ароматными!

Фазаниха оказалась очень жирной, и когда её жарили, разогретый жир испускал такой запах, что им наполнилась вся пещера.

Ли Жуань смотрел на выступавшие капельки масла, сглатывал слюну и впервые в жизни подумал, что жареная ножка... невероятно вкусно пахнет.

Если бы он только знал — оставил бы одну себе.

Но Ли Жуань считал себя честным лисом-оборотнем: отдал — значит, отдал. Назад забирать —

нельзя.

Он посмотрел на ножку, потом на мужчину, сначала молча встал...

Потом сделал шаг назад.

Нет, запах всё ещё доносится. Ещё шаг назад.

И ещё.

Поэтому когда Цзян Шэнь закончил перевязываться и поднял голову, маленькая лиса почти полностью спряталась за выходом из пещеры... но всё так же жадно смотрела на куриные ножки у огня.

— Хочешь поесть? — небрежно спросил Цзян Шэнь, намеренно поддразнивая. — Если хочешь, то скажи. Если не скажешь, как я узнаю?

Если он надеялся спровоцировать лису проговориться по-человечески — Ли Жуань был не дурак, чтобы попадаться на такую уловку.

Ли Жуань яростно замотал головой.

Не хочу. Совсем не хочу. Нисколько не хочу.

— Не хочешь? Ну ладно... — Цзян Шэнь даже слегка разочарованно вздохнул.

Этому способу запекания дичи его научил ветеран, когда они служили вместе. На таком расстоянии мясо прожаривается ровно: снаружи подрумянено, внутри — сочное. А при свежести дичи даже без приправ получается вкусно.

Цзян Шэнь взял ножку и откусил кусочек кожи — насыщенный, сочный вкус мгновенно раскрылся на языке.

Пещера была небольшая, но вход закрывала густая тень деревьев, так что света почти не проникало, и определить время суток было трудно.

Сильная боль раньше заглушала голод, но теперь, когда он начал есть, он почувствовал, насколько был голоден.

И всё же он ел не спеша — почти изысканно, аккуратно прожёвывая каждый кусок.

Пока ел, он украдкой поглядывал на лисёнка.

Маленькая лиса всё так же тихо сидела на месте.

Она снова свёрнулась в пушистый комочек, уши опустились, и от этого она казалась ещё более круглой.

А ясные глаза неотрывно смотрели на Цзян Шэня, словно он чем-то ужасно её обидел.

Особенно трогательно выглядело то, как каждый раз, когда Цзян Шэнь делал новый укус, кончик хвоста едва заметно дёргался, а затем безвольно опускался.

Она выглядела ужасно виноватой.

Цзян Шэнь: — ...

Он вздохнул и перестал его дразнить:

— Иди сюда. Остальное — твоё.

Лисёнок моргнул — будто не поверил своим ушам.

А когда он всё ещё не двигался, Цзян Шэнь поднял веточку с мясом и нарочно сказал:

— Считаю до трёх. Если не придёшь — сам доем. Раз... два...

В пещере пронёсся порыв ветра.

Движения маленькой лисы были быстрыми и ловкими — она стремглав подбежала к Цзян Шэню и подпрыгнула.

Цзян Шэнь почувствовал, как по тыльной стороне его ладони скользнул мягкий пушок — и куриная ножка уже оказалась у лисёнка.

Будто боясь, что Цзян Шэнь передумает, она тут же отступила на полшага, повернулась к нему спиной, легла на живот и с увлечением начала есть.

Теперь лисёнок был совсем близко — видно каждую прядку шерсти, хвост энергично метался из стороны в сторону, и каждый раз, когда его кончик проходил мимо, он был всего в паре сантиметров от руки Цзян Шэня.

Цзян Шэнь пошевелил пальцами — его всё ещё щекотало от мимолётного прикосновения.

Даже тот, кто вовсе не любит мелких зверушек, вряд ли сможет удержаться, когда такое пушистое создание сидит прямо рядом.

Цзян Шэнь смотрел на костёр, лицо оставалось невозмутимым. Он мысленно отсчитал время и медленно опустил руку вниз — и вскоре действительно почувствовал мягкое прикосновение к кончикам пальцев.

Шелковистое, нежное, чуть прохладное — и тут же исчезнувшее.

Это хвост лисёнка случайно задел его руку.

Похоже, он был слишком поглощён едой и вовсе не замечал странностей: хвост всё так же весело раскачивался. Цзян Шэнь же воспользовался моментом, тихонько подцепил хвост пальцами — и даже слегка сжал пушистый кончик.

И вот лисёнок наконец понял, что что-то не так.

Он оглянулся и моргнул растерянно.

Цзян Шэнь спокойно убрал руку, будто ничего не произошло:

— Всё в порядке. Ешь дальше.

<http://bllate.org/book/14444/1277223>